

Галина Петкова
Русский ученый-эмигрант и
«ординарный профессор-иностранец по контракту»
в Софийском университете
(Бицилли vs Попруженко)¹

Профессора Историко-филологического факультета Новороссийского императорского университета Михаил Попруженко (1866—1944) и Петр Бицилли (1879—1953) связали свою эмигрантскую жизнь с Болгарией, а свою преподавательскую и исследовательскую деятельность — с ее единственным тогда государственным университетом — Софийским. Цель настоящей статьи — выяснить, как они репрезентировали некий габитус русского эмигрантского ученого именно в Болгарии в 1920—1930-е гг. до государственного переворота 9 сентября 1944 г. и как участвовали в структурировании университетского поля русистики, к которому имели прямое отношение в силу своей институционализации на Историко-филологическом факультете (далее — ИФФ) Софийского университета.

В первые годы изгнания русские ученые позиционировали себя в эмигрантском пространстве на основании своего места в академической иерархии дореволюционной России и из прошлого переносили свои регалии в «другую», «фантомную» Россию. А эта «фантомная» Россия, хотя и поддерживала иллюзию «общей эмигрантской жизни»², обрела в каж-

© Галина Петкова. 2015

© TSQ № 53. Summer 2015

¹ Выражаю свою благодарность коллегам Хане Оплештиловой (Прага) и Ричарду Дэвису (Лидс) за помощь при подготовке настоящей публикации.

² Пользуюсь выражением из документов Исполнительного комитета Российского Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (1930 г.).

дой принимающей стране свое конкретное лицо. В этом смысле русский ученый-эмигрант являлся в первую очередь русским эмигрантом, сохраняющим Память и живущим в ней. В своем актуальном настоящем, однако, он весьма заинтересованно стремился сохранить легитимацию ученого, т.е. вписаться в чужое научное пространство так, чтобы получить его признание.

Русские ученые-эмигранты в Болгарии в 1920—1930-е гг. не имели самостоятельной институционализации. Они не только создавали свою продукцию в государстве «Царство Болгария», но в его академическом пространстве получали, добавляли, расширяли свой научный престиж, авторитет, известность.

Софийский университет создан как высшее училище в 1888 г. Согласно Закону о народном просвещении, государственный университет по предложению Академического совета мог приглашать иностранцев в качестве ординарных преподавателей (профессоров, доцентов) по тем предметам, для преподавания которых не было специалистов среди болгарских поданных³. Если чужое гражданство сохранялось, иностранцы служили по контракту, который заключался с санкцией Совета министров, на определенный срок и при определенных условиях, касающихся зарплаты.

Контракт подписывался между соответствующим лицом и министром народного просвещения обычно на три года и мог возобновляться по истечении этого срока, при этом всегда существовала опасность, что этого не произойдет⁴. Подобные структурные условия манипулировали инструментами вос-

³ Закон за народното просвещение. Подотдел Е. Университет. Глава IV. Персонал // Сборник от действующите закони по Министерството на народното просвещение. Официално издание на Министерството на народното просвещение. София: Държавна печатница, 1924, с. 11-129, с. 95.

⁴ Бюрократическая процедура в 1920—1930-е гг. предполагала решение Факультетского совета, одобрение Академического совета, обращение за санкцией к Министерству народного просвещения, в случае одобрения – постановление Совета министров, официальное решение Народного собрания и указ Царя Бориса III о назначении.

производства Университета, хотя с мнением академической коллегии в Министерстве просвещения считались.

Первая группа русских эмигрантских ученых, которая получила преподавательские места в 1920-м г., состояла из имен или знакомых болгарской академической среде, или достаточно известных каждый в своей области. Их интересы, очевидно, совпали с интересами Университета, который нуждался в укомплектовании кафедр и поднятии своего престижа и осознавал, по словам ректора за 1919—1920 г. проф. Александра Цанкова, «нехватку собственных сил»⁵.

Академическая среда подчеркивала, иницилируя назначения, «преподавательскую опытность» и «авторитет» кандидатов. В ректорском докладе за 1920 г. указывалось в первую очередь на эти автономные критерии и только потом говорилось об оказании помощи эмигрантам: «Болгарская профессорская общность особенно довольна тем, что смогла в злосчастных для России днях привлечь в свою среду этих поневоле изгнанников».

Несмотря на то, что национальный признак (точнее, чужое гражданство), являлось *порогом* для институционализации иностранцев в болгарском академическом пространстве, по отношению к русским ученым-эмигрантам наблюдалась тенденция его вытеснения в ситуациях, когда надо было продемонстрировать символический капитал: аргументировать продление договора, удаивать академических званий, выявлять качества научной продукции. Болгарская сторона, при всей относительности обобщения, навязала редукцию национального различия и задала некое смещение национального и профессионального, изобретив языковой кентавр, основанный на уступительном союзе 'хотя', который затыкал, но и обнажал, впрочем, противопоставление: 'несмотря на то, что он (хотя он и) иностранец (русский), но (думает) как болгарин'.

⁵ Здесь и в следующем абзаце цитаты из доклада ректора приводятся по: Арнаудов Михаил. История на Софийския университет «Св. Климент Охридски» през първото му полустолетие 1888—1938. София, 1939, с. 406. Перевод цитат с болгарского на русский язык – мой, Г. П.

Работая с карьерными документами Попруженко и Бицилли, сохранившимися в Софии, я обнаружила устойчивое повторение этой почти заклинательной формулы — ‘хотя и не, но как’, при этом упомянутая замещающая логика в текстах, касающихся Попруженко, встречалась значительно чаще. В случае Бицилли я ее встретила только один раз: в конце 1920-х — начале 1930-х гг. в связи с экономическим кризисом болгарские власти проводили рестриктивную политику экономий и сокращения бюджетов. В сентябре 1932 г. Министерство просвещения поставило в известность Университет, не указывая конкретные причины, что с 1 января 1933 г., когда кончается очередной трехлетний контракт Бицилли, продления не будет. Общность историков, во главе с ее дуайеном проф. Василом Златарским, а за ней и Университет как институция, активно вступились за Бицилли и сумели сохранить за ним штатное место профессора, заявляя, что ‘отстранение коллеги Бицилли неоправданно’. Среди автономных аргументов в докладе Златарского присутствовал и такой, который начинался с уступительного *хотя*: «Хотя и иностранец, он так сжился с нами, что как немногие чувствует нужды нашей жизни, а его самое горячее желание оставить здесь своих учеников»⁶.

В случае Попруженко тенденция к повторяемости уступительных конструкций стабильная. В докладе известного болгариста проф. Беньо Цонева от 10. V. 1923, мотивирующем избрание М. Попруженко членом-корреспондентом Болгарской академии наук, говорится: «В этих своих работах г[-н]⁷ Попруженко думает и чувствует как лучший друг болгарского народа, как болгарин»⁸. В докладе, аргументирующем избрание

⁶ Петкова, Галина. Договори, писма и доклади от «Личното дело на проф. П. Бицилли». Публикация, подготовка на текста, редакция и бележки // Класика и канон в руската литература. Чуждият поглед. Сборник текстове и документи. София: Факел, 2013, с. 268-318, с. 291. Переводы цитат из документов с болгарского на русский язык здесь и ниже – мой, Г. П.

⁷ Здесь и далее все предпринятые расширения слов даю в квадратных скобках – Г. П.

⁸ Научный архив Болгарской академии наук (далее – НА БАН), Ф. 1К, оп. 2, ед. хр. 1049, л. 3.

Попруженко академиком (доклад без даты, подписан авторитетными болгарскими учеными — Стояном Романским, Юрданом Трифоновым и Петром Мутафчиевым), которое произошло 29 июня 1941 г., сказано о нем, что «хотя он не болгарин по рождению, он остается и по сей день деятельным болгарским ученым»⁹.

Проф. Попруженко, единственный из русских ученых-эмигрантов, удостоен звания почетного доктора Софийского университета. Решение Академического совета было принято в декабре 1938 г. в связи с 50-летием исследовательской деятельности русского ученого-слависта в области болгаристики. По этому поводу журнал «Просвещение» («Просвета») сообщает: «Хотя и рожден русским (Одесса, 1866) г[-н] Попруженко принадлежит почти полностью болгарской науке»¹⁰. В своем приветствии на церемонии вручения дипломов почетных докторов Софийского университета, проходившей во время юбилейных торжеств, посвященных 50-летию создания Университета 23 мая 1939 г., Ректор обратился к Попруженко со словами: «Профессора Софийского университета привыкли видеть в лице уважаемого г-на Попруженко представителя эпохи [болгарского — Г. П.] Возрождения»¹¹.

Я оставляю в сторону вопрос о причинах *инцеста* — национального и профессионального, гетерономных с автономными для научного поля критериями. Очевидно, это смешение задавало некие правила игры и в 1920-е гг., и в начале 1940-х гг., соблюдая которые, русские эмигранты изобретали соответствующие «стратегии вложения», направленные на «извлечение максимальной чисто научной прибыли», т.е. «признания» в чужом принимающем академическом пространстве, полученного со стороны «коллег-конкурентов»¹². Смешение

⁹ Там же, л. 18.

¹⁰ Без автора; сообщение в рубрике «Культурные известия» // Просвета, год 4-й, № 4, 1938, с. 499.

¹¹ Без автора; сообщение «Вручение дипломов новых почетных докторов» // Утро. № 8942, София, 23 мая 1939 г., с. VII.

¹² Цитаты в кавычках даются по переводу на русский язык работы Пьера Бурдьё «Поле науки» (конец части «Борьба за монополию на научную компетентность») // <http://bourdieu.name/content/burde-pole-nauki>

/смещение осталось на первых порах и после переворота 9 сентября 1944 г., когда сохраненный на уровне языка национальный критерий (*русский*), постепенно мутировал в идеологический.

Итак, какие позиции занимали фигуры, вынесенные в заглавие?

Родословная

И Попруженко, и Бицилли пришли из Одессы, города / места с высокой репутацией в болгарской культурной памяти, где учились и специализировались этнические болгары, жили и создавали свои произведения выдающиеся деятели Болгарского возрождения в XIX веке, проживая свою ностальгию по родному¹³.

И Попруженко, и Бицилли формировались структурами научного поля в дореволюционной России. Оба вышли из одной университетской системы и имели схожую траекторию научной карьеры — закончили Историко-филологический факультет Императорского Новороссийского университета, где, впрочем, работала немалая часть профессуры, попавшей в Болгарию.

Они отличались 1) областью научной компетенции / специализации: Попруженко формировался в славистике, а Бицилли — в романистике, и 2) принадлежностью к разным поколениям, Бицилли моложе Попруженко. И то, и другое в ситуации Болгарии 1920-х гг. ставило их в позицию символической несимметричности.

Академическая институционализация в Болгарии

Во время своего формирования как слависта Попруженко знакомится и общается с болгарскими учеными и поддерживает с ними научные контакты, посещает несколько раз Болгарию и работает в ее библиотеках, к моменту эмиграции он — заслуженный профессор Новороссийского университета, у

¹³ См.: Налбантова, Елена. Одеса в българската история и литература на XIX век. Одеса: «Друк», 2006.

него имидж известного болгариста, сторонника болгарской каузы в славистике, ученого со своей позицией по болгарскому национальному вопросу, славянофила¹⁴. Попав в Болгарию, Попруженко оказался в центре хранилищ и источников для своей научной деятельности, славистика открывала ему многие двери.

Бицилли, специализировавшийся в романской медиевистике и находивший свои материалы в библиотеках Германии, Франции и Италии, начинает испытывать затруднения еще с начала Первой мировой войны, которая прерывает, по его словам, «правильные отношения» с Западом и лишает ученого возможности «добыть для себя ряд весьма важных книг»¹⁵. В эмиграции он попал на Балканы, в 1920 г. — в Югославию, с 1924 г. — в Болгарию, где изучение романского Средневековья, духовности св. Франциска Ассизского и истории Францисканского ордена не имели исследовательской традиции. Медиевистика для Бицилли означала бы тупик, изоляцию.

Попруженко был *видимой* фигурой для болгарского научного общества, и его назначение в Софийский университет прошло беспрепятственно в 1920 г. с первой группой эмигрантских ученых.

Согласно решению Совета ИФФ, утвержденному Академическим советом 27 марта 1920, профессор Попруженко избран ординарным преподавателем «по истории болгарской и славянской литературы»¹⁶. Копии семи контрактов, которые

¹⁴ См. подробнее: Любенова, Лизбет. Славянофилството в творчеството на Михаил Попруженко // Славянската взаимност – минало и съвременност. Славянски летописи. София: Фондация „Славяни“, Център за изследване при Федерацията за приятелство с народите на Русия и ОНД, Т. 1, 1994, с. 90-99; Любенова, Л. В памет на един забравен академик. // Списание на Българската академия на науките. София, 2008, с. 20-25; Кенанов, Димитър. Приносът на Михаил Г. Попруженко за развитието на старобългаристиката // Българистични простори. ИК Жанет-45, изд. ПИК, Пловдив-Велико Търново, 2007 // <http://www.academia.edu/7339864>

¹⁵ Бицилли, Петр. Салимбене: очерки итальянской жизни XIII века. Одесса, 1916, с. 369.

¹⁶ Государственный архив (далее – ГА) – София, Ф. 944К, оп. 2, ед. хр. 13, л. 188.

сохранились в фонде Попруженко в Архиве Болгарской академии наук, относятся, однако, к периоду с 1 апреля 1929-х гг. по 30 июня 1945 гг.¹⁷. В них лекционный периметр *сдвинут* в сторону русистики: «профессор М. Г. Попруженко будет преподавать и читать лекции по истории России и истории русской литературы»¹⁸.

В 1920 г. документы на занятие вакантной кафедры новой и новейшей истории Софийского университета подавал и экстраординарный профессор П. Бицилли, но при посредничестве византолога акад. Никодима Кондакова, известного болгарским ученым. Тогда *незнакомому* Бицилли предпочли снова *видимую* фигуру, и заведующим кафедрой избрали бывшего ректора Императорского Санкт-Петербургского университета — проф. Эрвина Гримма. В 1923 г. Гримм экстрадирован из Болгарии, и ИФФ официально пригласил Бицилли занять освободившееся место. Все десять контрактов — с 1 января 1924 г. по 1 июля 1948 г., по которым Бицилли преподавал в Софийском университете в течение 25 лет, сохранились в его служебном деле. В них указано, что «профессор Бицилли будет преподавать и читать лекции по новой и новейшей истории»¹⁹.

Попруженко и Бицилли вписаны в болгарский административный дискурс того времени как «ординарные профессора-иностранцы по контракту». О трудностях Бицилли с продлением контракта в начале 1930-х гг. было уже сказано. О подобных затруднениях Попруженко мне неизвестно.

В Софийском университете во время поступления Бицилли на ИФФ не было квалифицированных кадров²⁰ в области

¹⁷ Последний контракт на три года подписан в 1942 г. М. Попруженко скончался от сердечного приступа во время бомбардировки Софии 30 марта 1944.

¹⁸ НА БАН, Ф. 61К, оп. 1, ед. хр. 9, лл. 1-8.

¹⁹ Подробнее о назначении и договорах Бицилли: Петкова, Договоры... // Класика и канон в руската литература... 2013, с. 268-310.

²⁰ См. цитированный в прим. № 6 доклад проф. В. Златарского (1932 г.), а также и письмо преподавательской коллегии историков (1948 г.): Петкова, Договоры... // Класика и канон в руската литература... 2013, с. 288-291, с. 310-312.

общей истории. Профессор не только стабилизировал кафедру, но за годы пребывания в Университете создал преподавательскую и исследовательскую традицию. Оценку этой, по моему, *отцовской* роли, я оставляю болгарским историкам.

Курсы по «Истории славянских литератур», куда входила и русская, читались на Историко-филологическом факультете в рамках специальности Славянская филология²¹ болгарским литературным историком, теоретиком и критиком Бояном Пеневым (1882—1927). Его исследовательский интерес к русской литературе обнаружился еще в первых опубликованных работах в 1906 г. и впоследствии неоднократно проявлялся²². В личном архиве Б. Пенева (Научный архив Болгарской академии наук, фонд 37 К) сохранились многочисленные материалы для лекционных курсов по русской литературе. Во время назначения М. Попруженко Б. Пенев занимал должность экстраординарного профессора по «истории болгарской и славянской литературы».

М. Попруженко, кроме на ИФФ, в 1925 г. читал лекции и на Богословском факультете («Религиозно-этические проблемы русской и западно-европейской художественных литератур»²³). Он участвовал в инициативной комиссии открытия Свободного университета политических и хозяйственных наук, имеющего и второе название: Балканский ближневосточный институт. Это частное высшее училище создано в 1920 г. как совместный болгаро-русский проект, но как таковой уцелел недолго. Согласно его Ежегоднику, до 1926 г. Попруженко читал курс «Культура и учреждения в славянских

²¹ В основе специальности тогда была болгаристика.

²² Речь идет о «Переводной и подражательной поэзии Петко Славейкова». Подробнее о Б. Пеневе как исследователе русской литературы см. статью акад. Ивана Радева: Радев, Иван. Из истории болгарской русистики (Боян Пенев о русской литературе и о ее влиянии в Болгарии) // Болгарская русистика, 1976, № 2, с. 6-11. В переводе на болгарский язык работа опубликована в 2014 г.: Радев, И. Из историята на българската русистика (Боян Пенев за руската литература и влиянието ѝ у нас) // Българско-руски срещи в литературата на XIX–XX век. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2014, с. 253-266).

²³ ГА – София, Ф. 944К, оп. 2, ед. хр. 343, л. 101.

землях», а с 1927 по 1929 г. — «Славянская культура»; в 1930-е гг., до 1940 г., он был лектором русского языка. В 1920-е гг. Попруженко известное время преподавал русский язык и в Русской гимназии в Софии.

И Попруженко, и Бицилли участвовали по поручению Совета ИФФ в воспроизводстве своих полей, их избирали рецензентами в процедурах хабилизации молодых болгарских ученых или при поступлении русских эмигрантских ученых в Софийский университет. В ноябре 1920 г. Попруженко писал доклад о научной деятельности профессора Новороссийского университета Сергея Вилинского²⁴, в 1927 г. Бицилли — о научной продукции историка Венедикта Мякотина²⁵. Рецензии Попруженко довольно трафаретные, оценивающие, *соответствующие* жанру. Бицилли в своих текстах, будучи максимально внимательным и корректным к идеям и логике рецензируемого исследователя, зачастую развивает собственные идеи, годящиеся в тезисы самостоятельной научной статьи.

Лекторы в Университете

В начале своего назначения — в течение учебного 1920—1921 г. — Попруженко читал курс о западных славянах и общий курс по истории русской литературы, а с 1922 г. начинает предлагать только курсы по русской литературной истории. В сохраненном архиве Попруженко мне не удалось найти записей, заметок или конспектов, по которым читались его лекции. За все 24 года преподавательской деятельности в качестве лектора русской литературы в Софийском университете Попруженко не опубликовал пособия, учебника или книги, которые бы легитимировали его как преподавателя русской литературы, в какой-либо должности он числился в Университете.

Единственное исключение — его участие как составителя «Русской книжной речи в образцах», выпущенной в 1943 г. Университетской библиотекой. Инициатива издания принад-

²⁴ ГА – София, Ф. 944К, оп. 2, ед. хр. 355, лл. 9-13.

²⁵ См.: Колева, Илонка. Документални свидетелства за проф. Пьотр Бицилли, съхранявани в Архива на Софийския университет // Класика и канон в руската литература... 2013, с. 253-257.

лежала болгарскому языковеду проф. Стояну Романскому, который, учитывая трудности и невозможность студентов-славистов во время Второй мировой войны находить и пользоваться необходимыми изданиями, подготовил и издал *серию*, условно названных мной, *хрестоматий*: в 1941 г. вышла «Польская книжная речь в образцах», в 1942 — «Чешская книжная речь в образцах», в 1943 — «Русская книжная речь в образцах», а «Древнеболгарский язык в образцах» вышел в свет лишь в 1945 г. Можно предположить, что перечень имен и текстов русскоязычной хрестоматии учитывал и *исследовательский горизонт* М. Попруженко, приглашенного соавтора, друга и коллеги С. Романского. Это издание не заметило версию русского литературно-исторического канона, предложенную Бицилли в его учебных пособиях, созданных на десять лет раньше и формально ориентированных на другого реципиента, оно отразило позитивистский настрой составителей и нежелание (или неумение?) концептуализировать и интерпретировать.

За все годы своей преподавательской деятельности в Университете, Бицилли не читал с кафедры литературоведческие курсы, к преподаванию филологических дисциплин не имел отношения, но свои исследования по истории русской литературы и русского языка публиковал периодически в Ежегоднике Софийского университета, начиная с 1933 г. Курс, близкий к филологической проблематике — «История русской культуры первой половины XIX века»²⁶, Бицилли предложил еще до своего приезда в Софию. Он читался во время летнего семестра учебного 1924-1925 г. и частично, вероятно, дублировал/конкурировал тематику курсов Попруженко, читанных в том же семестре: «Русская литература XIX века» и «Русская лирика». После этого Бицилли *замолчал* на долгие годы, вплоть до

²⁶ Заглавия всех лекционных курсов здесь и далее уточнялись по Расписаниям лекций Софийского университета, выходившим ежесеместриально. Перевод заглавий с болгарского на русский язык везде мой — Г. П. Подробнее о лекционных курсах Бицилли см.: Петкова, Галина. Курсове, четени от проф. П. Бицили в Историко-филологическия факултет (според Разписа на лекциите на Софийския университет) // Класика и канон в руската литература... 2013, с. 319-335.

летнего семестра учебного 1944-1945 г., когда, уже после смерти Попруженко, стал читать курс примерно с тем же заглавием — «История русской культуры XIX века». На этот выбор могла повлиять и ситуация в Болгарии после переворота 9 сентября 1944 г., когда русская тема была востребована, но не было *подходящего* лектора. В 1946-1948 гг. Бицилли читал курсы по истории русской общественной мысли.

Сохранившиеся воспоминания, принадлежащие заинтересованным слушателям, бывшим студентам, характеризуют обоих профессоров как лекторов. Полупустая аудитория, часто с «единственными слушателями»²⁷, на лекциях Попруженко, посещаемые по очереди дежурными студентами²⁸, и аудитория, набитая студентами различных специальностей, приходившими слушать Бицилли, которые в конце лекции его аплодировали²⁹. С одной стороны, вероятно, инерция, консервативное соблюдение правил игры, с другой — дебанализация рутины, демонстрация «антиакадемического академизма»³⁰. Во многих текстах и в корреспонденции Бицилли выражал нежелание следовать принципам какой-либо *школы*. Может быть, лекции отражали эту манеру мышления и создавали иллюзию свободы по отношению к правилу, обязательной программе.

Исследователи

В эмиграции Попруженко попал в центр болгаристики и пребывал в нем весьма заинтересованно для себя. Он сохранил круг своих интересов до эмиграции, погрузился в болгарскую тему, явно выгодную для него, и репродуцировал (пере-

²⁷ НА БАН Ф. 61 К, оп. 1, ед. хр. 11, л. 16.

²⁸ Любенова, Лизбет. Моите разговори // Доайенът: Юбилеен сборник, посветен на 100-годишнината на проф. Николай Михайлович Дилевски / Състав. Пенка Д. Филкова и др., София: Унив. изд. «Св. Климент Охридски», 2004, с. 512-528, с. 517.

²⁹ Любенова, Моите разговори // Доайенът..., 2004, с. 523.

³⁰ Выражение П. Бурдые. Бурдийо, Пиер. Функциониране на интелектуалното поле // Полета. Том I. Полета на духа. София: «Изток-Запад», 2012, с. 433-465, с. 455.

издавал) свои старые работы (дореволюционные). Исследователи его научной деятельности в Болгарии указывают на его вклад в кирилломефодиевистику и древнеболгаристику³¹, на его славянофильские идеи, благодаря которым Попруженко трансформировал успешно для себя свой научный капитал. Он умело воспользовался идентификацией с болгарской точкой зрения в славистике, снискав себе высокую публичную репутацию. Очевидно, его занятия русской литературой были периферийными, а единственные сохранившиеся метатексты написаны «на случай», о них будет сказано ниже.

Какие «стратегии вложения» изобрел Бицилли? В эмиграции он, в отличие от Попруженко, не сохранил, а разорвал с прошлыми научными интересами. Он отошел от романистики и, востребованный на Балканах как *общий историк*, обратился к пространству русского языка и русской литературы. К середине 1920-х гг. русская филология становилась для него безопасной и компенсирующей территорией. Благодаря ей Бицилли сохранил связь с «общей эмигрантской жизнью» с ее рефлексией собственной русскости во время, когда порвал с евразийством и по просьбе родственников в Одессе в известном смысле цензурировал себя «не писать против большевиков и вообще — об истории»³². Благодаря ей он установил коммуникацию с болгарским обществом, научным в том числе, где репутация русской культуры/ литературы была очень высокая, а традиция изучения и преподавания в образовательных институтах — гимназиях и университете — стабильная.

В середине 1920-хх гг. в Праге в эмигрантском издательстве «Пламя» вышли две книги Бицилли, которые зарегистрировали бифуркацию его научных интересов — на историю и филологию. В 1925 г. — «Очерки теории исторической науки», текст которых, по гипотезе болгарского историка М. Велевой,

³¹ См. примеч. № 14.

³² Привожу фразу, не комментируя ее, записанную со слов внучки профессора — Елисаветой Ивановой-Аначковой, которая стремилась воспроизвести слова своей матери — Анной Петровной Ивановой (1902-1982), урожд. Ореховой.

был начат еще в Одессе и задуман как «докторская диссертация»³³. В 1926 г. — «Этюды о русской поэзии», предлагающие концепцию «эволюционного ряда»³⁴ русской поэзии *сквозь призму ритма*. Произошло ли что-нибудь такое, что могло подтолкнуть/ поддержать Бицилли в *надстраивании* литературного критика в себе? Проявившийся в начале 1920-х гг., этот критик/ исследователь русской литературы приступил к освоению специализированного филологического инструментария и изучению ритма поэтического искусства³⁵.

Новые выборы Бицилли в середине 1920-х гг., осуществились в университетском филологическом поле Болгарии, в котором харизматической фигурой был упомянутый уже молодой болгарский профессор Боян Пенев. Бицилли мог *встретиться* с ним по его возвращении из Польши, где в 1923-1924 гг. Б. Пенев читал лекции по болгарской литературе, т.е. речь идет о конце 1924 г. К этому времени Бицилли, вероятно, знал/ слышал о предпринятых Б. Пеневым усилиях, чтобы Софийский университет «пригласил» Ивана Бунина, находящегося в Софии в феврале — марте 1920 г., читать лекции по новой русской литературе³⁶. Б. Пенев подготовил мотивирующий это назначение доклад³⁷, в заключении кото-

³³ Велева, Мария. П. М. Бицилли и историческата наука // Бицилли, П. Очерци върху теорията на историческата наука. София: Издателство на БАН, 1994, с. 5-22, с. 6-7.

³⁴ Бицилли, П. Место Лермонтова в истории русской поэзии // Этюды о русской поэзии. Прага: Пламя, 1926, с. 225-275, с. 274.

³⁵ Срв. статью П. Бицилли «Опыты характеристики пушкинского творчества. I. Некоторые черты стиля Пушкина», опубликованную в журнале «Русская мысль» в 1922 г. (№ 4, с. 117-128), с вторым из «Этюдов о русской поэзии» — «Поэзия Пушкина», с. 65-224.

³⁶ П. Бицилли, приехавший в Софию в конце февраля 1924 г., был знаком с Иваном Буниным еще по Одессе. См.: Переписка И. А. Бунина и П. М. Бицилли (1931-1951). Вступительная статья Татьяны Двинятиной. Публикация Татьяны Двинятиной и Ричарда Дэвиса // И. А. Бунин. Новые материалы. Выпуск II. М.: Русский путь, 2010, с. 109-178, с. 112, с. 121.

³⁷ Вълчанова, Димка. Боян Пенев за Иван Бунин // Език и литература, 1972, с. 61-64. Доклад Б. Пенева, предложивший характеристику творчества писателя, скорее похож на научную статью, чем на административный документ.

рого отмечал: «Думаю, что для нашего университета будет честь пригласить Бунина читать лекции по русской литературе»³⁸. Несмотря на то, что на своем внеочередном заседании от 27 марта 1920 г. Академический совет избрал в качестве «ординарного преподавателя по контракту» «лектора И. А. Бунина по новой русской литературе»³⁹, Бунин этой чести Университету не оказал, уехав в Белград, а оттуда — в Париж.

В течение летнего семестра учебного 1924/1925 г., кроме курса «Книжники Болгарского возрождения», Пенев читал общий курс «Введение в историю славянских литератур» и — третий — курс, посвященный польской литературе: «Крымские сонеты Адама Мицкевича».

В июне 1925 г. Б. Пенев был избран «ординарным профессором по истории славянских литератур», одним из двух рецензентов в процедуре был М. Попруженко. В своем докладе, который приводится ниже полностью, последний обосновал избрание Пенева⁴⁰:

*Историко-филологическ[ому] факультет[у]
Софийского университета*

Доклад

Многочисленные труды г[-на] проф[ессора] Бояна Пенева относятся к вопросам из области истории родных славянских литератур и свидетельствуют об его способности анализировать критически изучаемые материалы и, в результате, придти к соответствующим выводам. Это снискало г[-ну] Б. Пенеvu имя серьезного литературного историка и делает его работы ценными для тех, кто пользуется ими в своих занятиях. Не рассматривая подробно все, что г[-н] Б. Пенев опубликовал до

³⁸ Там же, с. 64. Перевод с болгарского на русский язык — мой, Г. П.

³⁹ Протокол № 11 с внеочередного заседания Академического совета от 27 марта 1920 // ГА — София, Ф. 944К, оп. 2, ед. хр. 13, л. 188.

⁴⁰ Доклад М. Попруженко сохранился в личном деле проф. Б. Пенева. Архив Софийского университета, Ф. 1, оп. 35, ед. хр. 60, л. 29-29об. Доклад написан на правильном болгарском языке, перевод на русский язык мой — Г. П.

настоящего момента, только скажу, что, так как я занимался историей Болгарского возрождения, я всегда изучал его работы в этой области с большой пользой для себя. Его большие статьи «Начало Болгарского возрождения», «Доситей Обрадович у нас», «Паисий Хилендарский», «П. Р. Славейков», «Автобиография Софрония Врачанского», «Г. С. Раковский» и др[угие] весьма ценны своим методом и изобилием материала, привлеченного для исследования. Это видно и из тех сопоставлений с произведениями русской литературы, которые г[-н] Б. Пенев приводит в своих публикациях по истории Болгарского возрождения. Так, напр[имер], в его исследовании творчества П. Р. Славейкова мы можем найти весьма тонкие и пронизательные наблюдения над разными явлениями этой литературы [литературы Болгарского возрождения — Г. П.]. Основное знание русской литературы г[-н] Б. Пенев проявил и в своих работах, посвященных ее области. Такой, напр[имер], является его большая статья — «Отношение Полонского и Тургенева к болгарскому рабству и Освобождению», а также его анализы отдельных произведений русской литературы.

Все сказанное дает мне полное основание присоединиться к подробному и обстоятельному докладу г[-на] проф[ессора] А. Теодорова⁴¹ и признать в лице г[-на] Б. Пенева ученого, который достоин быть ординарным профессором по истории славянских литератур в Софийском университете.

21.V.1925

Проф. М. Попруженко

В зимнем семестре учебного 1925-1926 г. сохранился интерес Пенева к болгарской («Обзор болгарской литературы после Освобождения [1879 г. — Г. П.]») и польской литературе («Адам Мицкевич»), а в летнем — к ним подключается и русская литература в литературно-историческом ракурсе — «Русская литература в Александровскую эпоху»⁴². В зимнем

⁴¹ Александр Теодоров-Балан (1859-1959) – болгарский языковед, историк литературы, библиограф, член Болгарской академии наук (с 1939 г.).

⁴² В том же семестре М. Попруженко читал курсы «Русская литература в XVIII и XIX вв.» и «Русская лирика».

семестре следующего учебного 1926-1927 г. остался курс по болгарской литературе («Введение в литературу Возрождения»), но вводятся концептуальный курс «Представители славянского романтизма»⁴³ и курс по русской литературе, акцентирующий интерес лектора к ее метрике: «Русский стих». Весь календарный 1926 г. проходит в преподавательской карьере Пенева и под знаком русской литературы. В том же 1926 г. в Ежегоднике Софийского университета опубликована большая статья Пенева «Болгарские переводы Крымских сонетов», основанная, вероятно, на материале прочитанного в 1925 г. лекционного курса. В ней анализируются болгарские переводы Крымских сонетов Мицкевича, осуществленные не с польского, а с русского языка, и обнаруживающие ритмические особенности языка-посредника, а не оригинала⁴⁴. Эта работа была знакома Бицилли, о чем будет сказано ниже. «Этюды о русской поэзии» Бицилли, судя по датировке краткого предисловия, дописывались и складывались в книгу уже в Софии в 1925 г.

В летнем семестре учебного 1926-1927 г. три направления лекционных курсов Б. Пенева — болгарская, польская и русская литература — удерживаются: «Книжники Болгарского возрождения», продолжение курса «Представители славянского романтизма» и «Русская метрика». Практически последний свой преподавательский год — 1926-1927 — Б. Пенев посвятил и русской литературе, увиденной *сквозь призму ритма*, при этом он читал не только лекции по «Русскому

⁴³ Об этом курсе см. исключительно внимательную работу болгарского полониста Калины Бахневой, предвещающую переиздание лекционного курса Б. Пенева: Бахнева, Калина. Хуманитет. «Западноевропейската романтика и нейните отражения в славянските литератури» – последният лекционен синтез на Боян Пенев // Пенев, Б. Западноевропейската романтика и нейните отражения в славянските литератури. София: Унив. изд. «Св. Климент Охридски», с. 7-129. Пользуюсь случаем выразить свою признательность проф. Калине Бахневой за наши обсуждения и за возможность познакомиться с ее текстами в рукописи.

⁴⁴ Пенев, Боян. Българските преводи на Крымски сонети // Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет. XXII, 2. София, 1926, с. 3-65.

стиху» и «Русской метрике», но проводил и семинары. Эти курсы выходили из историко-литературной колеи в область теории и опирались и на тексты русских формалистов⁴⁵.

Примерно через месяц после безвременной кончины Б. Пенева 25 июня 1927 в парижской газете «Последние новости» опубликован некролог, подписанный проф. П. Бицилли «Памяти проф. Б. Пенева»⁴⁶. В нем Бицилли представил Пеневу иностранному — русскому эмигрантскому — читателю, характеризуя его университетскую должность и исследовательские изыскания: «Основным предметом занятий покойного была новая болгарская литература. Самые свойства предмета привели Пеневу очень быстро к расширению круга своих научных интересов, и притом в двух направлениях. С одной стороны, эта литература понималась им как одно из духовных проявлений национального возрождения болгарского народа; — и это толкнуло его на исследование параллельных явлений в истории других народов, деливших участь болгарского; покойный увлекся культурной историей Польши⁴⁷, стал одним из авторитетнейших знатоков польской литературы эпохи романтизма. С другой — факт сильнейшей зависимости новой болгарской литературы от *русской* (и притом почти исключительно от нее)⁴⁸ заставил его

⁴⁵ Сохранившийся в архиве Б. Пенева конспект курса «Русская метрика» опубликован в 2002, электронная публикация — в 2005 г. См.: Липискова, Мария. Боян Пенев. Руска метрика.

http://liternet.bg/publish5/bpenev/ruska_metrika.htm

⁴⁶ «Последние новости». Ежедневная газета под редакцией П. Н. Милюкова. Париж, № 2316, 26. 07. 1927, с. 2. Все цитаты из некролога приводятся по этой публикации.

⁴⁷ Курсив здесь — «Польши» — и ниже — «русской» — оригинала.

⁴⁸ Ср. с размышлениями самого Бояна Пенева, опубликованными под названием «Несколько слов о русском влиянии в Болгарии» в однодневной газете «День русской культуры» (с. 1), приуроченной к проведению Национального праздника эмиграции 6 июня 1926 г. в городе Варна и посвященной вопросу о русской культуре в Болгарии. В начале материала говорится: «Не один из наблюдателей нашей духовной жизни подчеркивал, что мы много обязаны России в своем развитии. Что бы представляла наша литература без русского влияния? Если она во многих отношениях превосходит литературу наших соседей, то это кроется не только в болгарском

обратиться к исследованию этой последней. Постепенно интерес сделался для него самодовлеющим. Особенно влекла его к себе новейшая русская поэзия».

Бицилли закрепил Б. Пенева в эмигрантской культурной памяти прежде всего как исследователя русской литературы в Болгарии: «Тот, кто находился в личном общении с покойным, знает, как много он мог бы дать по истории русской литературы при его начитанности, тонком вкусе, превосходном методе, остроте критического чутья⁴⁹. Научное же наследие

творческом духе, но и в том обстоятельстве, что среди других народов мы испытали **наисильное влияние русской литературы** [полужирный шрифт – мой, Г. П.].» Опубликованный отрывок является частичным переводом третьего фрагмента статьи Б. Пенева «Наша интеллигенция. Фрагменты», опубликованной на болгарском языке в 1924 г. См.: Пенев, Б. Нашата интеллигенция. Фрагменти // Златорог, V (1924), № 1, с. 3-20.

⁴⁹ Это предложение опубликовано в переводе на болгарский язык в номере журнала «Златорог», почитающем память Б. Пенева, среди отзывов о нем: «Който лично е общувал с него, знае колко много би могъл да даде на историята на руската литература – с неговата начетеност, тънък вкус, превъзходен метод и острота на критическия усет (подчеркнутое здесь и ниже – мое, Г. П.)» (Златорог, 1927, № 7-8, с. 352). В материале указан источник – «статья проф. П. Бицилли» в «Последних новостях», № 2316, без даты (там же). В уже упомянутой в прим. № 22 русскоязычной работе о Б. Пеневе акад. И. Радева, в примечании № 1 (Радев, И. Из истории болгарской русистики... // Болгарская русистика, 1976, № 2, с. 11), автор, ссылаясь на журнал «Златорог» (1927, № 8 [так!], с. 352), приводит часть фразы Бицилли в переводе на русский язык, несколько изменяя цитату: «...как много мог бы дать (Б. Пенев – И. П.) истории русской литературы – с его начитанностью, тонким вкусом, превосходным методом и остротой критического чутья». В болгароязычном варианте статьи (Радев, И. Из историята на българската русистика... // Българско-руски срещи... 2014, с. 253) цитата выносится из примечания № 1 в основной корпус работы, снимается ее персональная атрибуция (имя П. Бицилли отсутствует), а авторство приписывается анонимным «специалистам». Ссылка на «Златорог» сохраняется (1927, № 8, с. 352), но приводится не опубликованный в журнале текст, а, вероятно, вторичный перевод – с русского на болгарский, в котором появляется удивительный знак в конце, меняются предлоги и используется книжное для болгарского языка «чутьие» вм. «усет» (ср. подчеркнутое здесь и выше): «Колко много би могъл да даде за историята на руската литература – с неговата начетеност, тънък вкус, превъзходен метод и острота на критическото чутьие!». Автор «Биобиблиографии» Бояна Пенева Татьяна Янакиева приводит в части «Литература и материалы о жизни и деятельности Бояна

его в этой части невелико: смерть (он умер всего 45 лет от роду) прервала его деятельность как раз тогда, когда он почувствовал себя в области истории русской литературы уже **не учеником, а хозяином** [полужирный шрифт — мой, Г. П.]».

Далее Бицилли конкретизирует свою мысль, цитируя уже упомянутую работу Пенева, опубликованную в Ежегоднике Софийского университета за 1926 год и посвященную болгарским переводам Крымских сонетов Мицкевича: «Пенев доказал, что первые переводчики переводили — с русских переводов. Поэтому значительная часть работы посвящена эстетическому разбору этих последних. Привлечены все русские переводы. Анализ поражает своей тщательностью, остротой и меткостью. Статья Пенева — один из самых образцовых „путеводителей“ по памятникам художественного слова».

Из написанного становится ясно, что Бицилли был не просто знаком с Б. Пеневым («кто находился в личном общении с покойным, знает»), что читал внимательно его работы, ценил его исследовательский подход и творческую личность. Вероятно, *встреча* между ними состоялась, и она продолжалась/ длилась и после смерти Б. Пенева. Сам текст показывает заинтересованность Бицилли в том, что происходит в актуальном болгарском культурном пространстве, его попытку осмыслить уровень изучения русской литературы в нем и имплицитно соотнести себя с ним. В академической филологии Болгарии фигура, с которой Бицилли считался, скорее всего, был Б. Пенев, а не М. Попруженко⁵⁰.

Пенева» за № 93 информацию о публикации П. Бицилли в «Последних новостях», № 2316, 1927, в которой говорится «об интересе Б. П[енева] к русской литературе» (Янакиева, Татьяна. Боян Пенев: Биобиблиография. София: Издателски център «Боян Пенев», 2002, с. 152). Ссылка отмечена знаком, что автор не смогла познакомиться непосредственно с публикацией, вероятно, источник информации — тот же журнал «Златорог».

⁵⁰ Сохранилось мнение П. Бицилли о М. Попруженко, которое приводится со слов заинтересованного собеседника: «слабый масштаб», «сделавший карьеру благодаря занятиям славянскими проблемами». См. Любенова, Моите разговори // Доайенът..., с. 526. Перевод цитат с болгарского

Университетское поле преподавания русской литературы после смерти Б. Пенева можно организовать вокруг оппозиции *безъязычного* лектора Попруженко, но обладающего институциональной позицией, и разрабатывающего специализированный литературоведческий язык на материале русской литературы П. Бицилли, производящего метатексты о ней, и, несмотря на публикации в Ежегоднике Университета, вряд ли имеющего доступ к формации и воспроизводству филологов. Эту нехватку Бицилли компенсировал в начале 1930-х гг. написанием своеобразной *учебной трилогии*⁵¹, предназначенной для эмигрантской школы, в которой предложил то, чего до нас так и не осталось от Попруженко — концепцию курса русской литературной истории и образцы анализа, интерпретации ее текстов.

Литературоведение на случай

В перформативном жанре лекционных курсов Бицилли не переступал границу, за которой пребывал Попруженко, но в рамках исследований русской литературы своими работами он разбивал монополию Попруженко, оспаривая его научную компетентность. Если университетское поле выявляет несимметричность их позиций, то «литературоведение на случай», т.е. пространство текстов, написанных «по поводу», дает возможность столкнуть и/ или выявить их «изыскательский» инструментарий.

Во-первых, оба профессора участвуют в различных формах ритуализированного эмигрантского быта: юбилейных торжествах, публичных лекциях, встречах, организованных русской эмигрантской общностью, Славянским обществом в Болгарии или совместными болгаро-русскими комитетами. Впоследствии, как правило, выступления печатались — в болгарских журналах и в местной эмигрантской прессе. Именно так сохранились тексты, типология которых весьма обшир-

на русский язык – мой, Г. П.

⁵¹ Петкова, Галина. «Дать руководящую нить...»: русская (классическая) литература в концептуализациях П. М. Бицилли // *Toronto Slavic Quarterly* № 44 (Spring 2013), с. 338-353, http://sites.utoronto.ca/tsq/44/tsq44_petkova.pdf

на — от популяризирующих, находящихся, скорее, на дне литературоведческой иерархии, до более значимых с точки зрения исследовательских посланий.

Тексты Попруженко тождественны себе, замешаны на юбилейном пафосе, вписаны в рутину и предлагают то, что сегодня можно назвать религиозно-этическим прочтением.

Тексты «на случай» Бицилли являют собой многообразную продукцию, имеющую двуязычное бытие. Они публиковались на болгарском и на русском языках, при этом речь идет не о переводах, а о вариантах, учитывающих не столько языковое, сколько культурное различие адресатов⁵². Даже в самых пропедевтических транскрипциях Бицилли сохранял позицию интерпретатора, обладающего особым *прицелом* к объекту размышления, а не вталкивающего его в какие-то общие схемы юбилейного жанра.

Административная институционализация

Научный авторитет, накопленный профессорами, давал им доступ к административным постам: и Попруженко, и Бицилли участвовали в организации и руководстве русской эмигрантской школы в Болгарии. Именно в этом поле между ними проявляются сильная конкуренция и крайний антагонизм. Дело кончается тем, что в 1935 г. Бицилли подает в отставку и по своему желанию уходит из очередного Учебного комитета, находящегося при Министерстве народного просвещения, и больше не участвует в административных органах. Попруженко, наоборот, охотно принимал административные назначения: в 1930-е гг. его ежегодно приглашали в министерскую комиссию для проведения государственного экзамена по русскому языку.

И Попруженко, и Бицилли в своем эмигрантстве в Болгарии изобретали стратегии, подходящие для получения при-

⁵² О разноязычии статей Бицилли, посвященных А. Пушкину, см.: Ма-нолакев, Христо. Руската емиграция в България и проблемите на литературната рецепция или «случаят Пушкин – 1937 г.» // Литературна мисъл, София, XXXVII (1993), № 2, с. 114-131, с. 128-129.

знания болгарской академической коллегии. Их выборы явили собой концептуальные полюсы поведения эмигрантского ученого в чужом принимающем пространстве, иллюстрирующие оппозицию двух видов научного капитала, о которых говорил Бурдьё: *институционального (институциональной власти)*, связанного с занятием передовых позиций в научных институтах, накопление которого является результатом или компенсацией более слабого успеха в накоплении самой специфической и легитимной формы — научного капитала, и «чистого» *научного капитала*, который приобретает в основном через вложения, признанные во имя прогресса науки; личного престижа, который основывается исключительно на признании общности коллег и самой признанной фракции из них⁵³.

Бицилли как филолог, точнее как филолог-руси́ст, сложился в Болгарии. В апреле 1945 г. Академическим советом Софийского университета было принято решение в рамках специальности Славянская филология создать «отделение русского языка и литературы». В июле того же 1945 г. Бицилли продлили контракт еще на три года, при этом в документах, сопровождающих решение и отправленных в Министерство просвещения, наряду с профессиональной аргументацией, было отмечено, что «ординарный профессор-иностранец» Бицилли является и «русским поданным»⁵⁴. Бицилли освободили по окончании его последнего контракта в конце июня 1948 г., но он никогда не преподавал на новом отделении. И хотя его филологические работы печатались в Ежегоднике Университета и после 1944, вплоть до 1954, болгарская русистика разошлась с ними, они остались в ней мертвым капиталом.

В этом и парадокс Бицилли-филолога — признание общности коллег и самых признанных из них не состоялось. Может быть, теоретизации Бурдьё о том, что харизматическая

⁵³ Бурдийо, Пиер. Социалните употреби на науката // Полета. Том I. Полета на духа. София, «Изток-Запад», 2012, с. 279-324, с. 295-299.

⁵⁴ Архив Софийского университета, Ф. 1, оп. 35, ед. хр. 82, л. 31.

личность с ее персональными дарами трудно наследуется⁵⁵, и осознание того, что «духовное доминирование» это нечто отличное от «временного доминирования»⁵⁶, успокоили бы некие следующие поколения, если бы не их иррациональное волнение, что, будь Бицилли востребован как филолог, многое в русистике в Болгарии в предстоящие тогда странные годы было бы по-другому.

⁵⁵ Бурдийо, Социалните... // Полета..., 2012, с. 296.

⁵⁶ Бурдийо, Социалните... // Полета..., 2012, с. 299.